

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРОТОИЕРЕЯ И. ВОСТОРГОВА В КОНСОЛИДАЦИИ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ СИЛ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД¹

Корнеева Галина Андреевна

К.и.н., доцент, с.н.с., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
galyna.kor@yandex.ru

THE ORGANIZATIONAL AND IDEOLOGICAL AND POLITICAL ROLE OF ARCHPRIEST I. VOSTORGOV IN THE CONSOLIDATION OF RIGHT-WING MONARCHICAL FORCES IN THE CONDITIONS OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION AND THE INTER-REVOLUTIONARY PERIOD

G. Korneeva

Summary. The question of the connectedness of the practical activities of representatives of the conservative clergy in the unifying process of right-wing monarchist forces with the ideological base, most fully presented in the concept of Archbishop I. Vostorgov, is examined. The activity was not aimed at subordinating the "popular" RNC to the church, the task was to overcome the internal confrontation of the right-wing monarchist movement. Ideology was a reflexive or discursive conservatism, had a certain "core" ("invariant core"), represented by "rationalized values of a traditional society". The Orthodox-religious consciousness determined the orientation on the consolidation and struggle of all patriotic forces against internal enemies. Functionally, the ideology of the association turned out to be unpromising due to the deep sociocultural split of society, the negative attitude of secular right-wingers towards the I. Vostorgov project, and the ambiguous attitude to political activity as part of the RNC among the clergy themselves. Practical activity on the ways of uniting the disparate forces of the right did not become a factor of consolidation, but of strengthening the internal confrontation of the right-wing monarchist movement.

Keywords: First Russian revolution, inter-revolutionary period, right-wing monarchist movement, secular and spiritual right, practical activities in the policy of combining right-wing forces, the role of I. Vostorgov, world outlook of I. Vostorgov.

Аннотация. Рассматривается вопрос связанности практической деятельности представителей консервативного духовенства в объединительном процессе правомонархических сил с идеологической базой, наиболее завершено представленной в концепции протоиерея И. Восторгова. Деятельность не была направлена на подчинение «всенародного» СРН церкви, задача заключалась в преодолении внутренней конфронтационности правомонархического движения. Идеология представляла собой отрефлексированный или дискурсивный консерватизм, имела определенный «стержень» («инвариантное ядро»), представленный «рационализированными ценностями традиционного общества». Православно-религиозное сознание обуславливало установку на консолидацию и борьбу всех патриотических сил с внутренними врагами. Функционально идеология объединения оказалась бесперспективной в силу глубокого социокультурного раскола общества, отрицательного отношения светских правых к проекту И. Восторгова, неоднозначного отношения к политической деятельности в составе СРН в среде самого духовенства. Практическая деятельность на путях объединения разрозненных сил правых становилась фактором не консолидации, а усиления внутренней конфронтационности правомонархического движения.

Ключевые слова: Первая русская революция, межреволюционный период, правомонархическое движение, светские и духовные правые, практическая деятельность в политике объединения правых сил, роль И. Восторгова, мировоззренческие установки И. Восторгова.

¹ Статья подготовлена и опубликована при финансовой поддержке Алексея Александровича Селиверстова.

Роль протоиерея о. И. Восторгова в общественно-политической жизни России в начале XX в. в историографии рассматривается в том числе и в парадигме политического оформления традиционалистско-консервативного направления в системе формирующейся российской многопартийности, внутри- и межпартийной борьбы правых сил в условиях перманентного раскола. Многоплановая деятельность одного из активных представителей духовенства в правомонархическом движении в России в качестве самостоятельной темы рассмотрена в диссертационном исследовании А. В. Струкова в хронологических и территориальных границах основных периодов «жизненного пути священнослужителя» (ставропольский, кавказский, московский). [16, с. 23]. Участие протоиерея в деятельности центра по объединению правых организаций в масштабе страны отмечается в работах И. В. Омелянчука. [6, с. 147–158; 5, с. 25–30]. В историографии так же рассматривается роль Русской православной церкви (РПЦ) в борьбе за объединение разрозненных сил правых, в основном исследователи связывают политизацию представителей консервативного духовенства (духовных правых) с поисками РПЦ выхода из кризиса в парадигме внутрицерковного реформаторского движения, обосновывается вывод, что РПЦ попыталась использовать отделы правых партий в целях укрепления собственных позиций и обретения самостоятельности на путях либо подчинения церкви Союза русского народа (СРН), либо создания собственной политической организации. [9, с. 114, 117–118; 14, с. 121; 19, с. 76]. Вопрос организационной деятельности и политизации представителей консервативного духовенства в исследованиях недостаточно проработан в связи с идейно-мировоззренческой базой периода активного оформления отделов СРН и Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА). Одним из видных идеологов объединительной политики представителей светских и духовных правых был протоиерей И. Восторгов, организационная деятельность которого развертывалась на идеологической базе отрефлексированного традиционализма. Рассмотреть основные мировоззренческие компоненты, составляющие «стержень» («инвариантное ядро») предлагаемой И. Восторговым концепции-схемы в связи с практической деятельностью священника представляет задачу данной статьи. Основным комплекс источников составляют: опубликованные материалы официального делопроизводства первого тома «Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы» [10], источники публицистического характера: публичные выступления (речи) И. Восторгова (публикации в официальном органе РПЦ — «Епархиальные ведомости» сибирских и дальневосточных епархий), материалы правых газет («Дальний Восток», «Сусанин»), архивные материалы: Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), использованы некоторые сведения,

содержащиеся в исследованиях отечественных историков.

После перевода в 1905 г. из Грузии в Москву И. Восторгов в январе 1906 г. был назначен Синодальным проповедником-миссионером Московской епархии с правами противосектантского епархиального миссионера, 29 октября 1907 г. — Синодальным миссионером, с августа 1906 г. занимал должность управляющего канцелярией Совета миссионерского общества при Св. Синоде (1917–1918 гг. секретаря Совета общества). Одновременно по мере нарастания переселенческого движения в Сибири и на Дальнем Востоке протоиерей стал официально выполнять функцию наблюдателя за делами церковного строительства в целях удовлетворения религиозно-духовных потребностей новоселов и местного населения в целом, что было связано с частыми и длительными командировками в регион [8, с. 247, 250, 260], которые сочетались с пропагандистской и организационной деятельностью в среде сибирских монархистов.

Период 1908–1909 гг. в деятельности И. Восторгова в Сибири и на Дальнем Востоке был связан с борьбой руководителя московского монархического центра за объединение сил правых на принципе уваровской триединой формулы «православия», сопровождался развитием конфликта с А. И. Дубровиным, усугубленный первым расколом в Главном совете СРН (в ноябре 1907 г. М. Пуришкевич вышел из состава СРН, 11 марта 1908 г. был зарегистрирован РНСМА). [8, с. 251].

Протоиерей И. Восторгов и железнодорожный служащий, организатор монархических железнодорожных отделов Русского монархического союза (РМС), действительный член Русского собрания В. Г. Орлов были членами Русской монархической партии (РМП), созданной В. А. Грингмутом в апреле 1905 г., оба принимали активное участие в деятельности «интеллектуального штаба» московских монархистов Русского Монархического Собрания (РуМоСо), с 1906 г. поддерживали политику объединения всех монархических организаций на платформе СРН, поэтому приняли участие в работе III Всероссийского съезда Русских Людей в Киеве 1–7 октября 1906 г. После смерти В. А. Грингмута в сентябре 1907 г. председателем РМП (в 1908 г. переименована в РМС, устав утвержден 4 мая 1909 г.) и РуМоСо стал И. Восторгов, одновременно вместе с архимандритом Макарием (М. В. Гневушев) входил в состав руководства Московского губернского Совета СРН.

В условиях «контрреволюционного подъема» в борьбе с «освободительным» движением за историческую самоидентичность России и национальное самосознание русского народа руководство центральных

правомонархических организаций стало практически осуществлять тактику объединения идеологически однородных местных кружков и групп на базе основополагающих принципов уваровской триады. Весной — летом 1906 г. Русское собрание (РС), РМП, СРН и СРЛ предприняли попытку объединить разрозненные силы правых под лозунгом «За веру, царя и отечество» в рамках Всенародного русского союза (ВРС) (зарегистрирован 26 августа 1906 г.), в состав которого вошли московские, петербургские и ряд провинциальных организаций. [28, л. 168, 160; 29, л. 13; 6, с. 152; 5, с. 25]. Решением III Всероссийского съезда русских людей (2–7 октября 1906 г.) в Киеве ВРС был преобразован в Московский областной отдел объединенного Русского Народа [10, с. 215–218, 225] и прекратил функционировать как самостоятельный политический центр [28, л. 181], так как был образован общий для всех монархических «Союзов, кружков, обществ, партий, собраний, собратств, содружеств, громад, согласий и дружин» коалиционный центральный координационный орган — «Главная Управа объединенного Русского народа», соответственно решено было преобразовать местные организации в областные управы. В состав Главной Управы вошли от СРН А. И. Дубровин, от РС М. Л. Шаховский и кооптированный ими от РМП и ВРС протоирей И. Восторгов. [5, с. 26; 6, с. 152]. Решения Киевского съезда определили лидирующую роль СРН в консолидации правомонархических сил в масштабе страны на платформе программы союза, местным «единомышленным организациям» рекомендовалось ознакомиться и «постепенно к ней присоединиться». [10, с. 217, 240–241]. IV Всероссийский съезд объединенного русского народа в Москве (26 апреля — 1 мая 1907 г.) закрепил организационные решения Киевского съезда. [10, с. 329–330]. «После 1 мая и не позднее 15 июля 1907 г.» Главный совет СРН за подписью председателя А. И. Дубровина разослал отделам союза «и прочим патриотическим организациям» «Циркулярное письмо», согласно которому в каждой губернии или области под руководством Главного совета СРН «должны быть открыты особые Губернские Управы в целях объединения всех патриотических содружеств», если в городе еще не был образован отдел СРН («например, в Томске»), рекомендовалось преобразовать в Губернскую или Областную Управу Совет «существующей здесь патриотической организации». [20]. После IV съезда развернулась реорганизация местных правых организаций — управ в губернские и областные управы (преобразованы в губернские советы СРН согласно постановлению частного совещания в Ярославле в марте 1909 г., окончательно определившего структуру СРН. [10, с. 437–439]) во главе с Главным советом СРН и с правом руководства, открытия отделов союза в пределах губернии на основании Устава и программы СРН. [10, с. 329–330]. Таким образом в структуру СРН вошло большинство существующих местных «черносотенных

организаций» — управ, или самостоятельно оформившихся протоправопартийных политических формирований, на базе которых стали открываться отделы СРН. Заложенные III Киевским и IV Московским съездами организационные принципы обусловили крайнюю аморфность консолидации, структурную рыхлость традиционалистско-консервативных политических сил, так как для местных организаций постановления Главной Управы становились обязательными только с момента получения центром информации о согласии. [10, с. 225, 240]. Решения Главного Совета СРН были обязательны к исполнению только для его отделов, относительно других монархических организаций имели рекомендательный характер (принимались к сведению) при полной свободе последних в вопросе поддержки действий центра. [10, с. 329].

Никакой перспективы трансформации во всероссийскую централизованную партию, спаянную партийной дисциплиной, единой программой и тактикой, объединение подобного рода не имело, на съездах явно проявилось стремление представителей местных организаций сохранить самостоятельность и избежать в партийном строительстве принципа централизации («партийности»). После IV съезда выяснилось, что практическая реализация центром стратегической задачи консолидации правых сил во всероссийском масштабе становилась дополнительным фактором усиления разногласий и конфликтности в правомонархическом движении как по вертикали (между центром и местными организациями), так и по горизонтали (внутри- и межпартийной борьбы). Некоторые, особенно московские организации во главе с одним их активных проводников политики объединения правых сил протоиереем И. Восторговым, опасались чрезмерного усиления и партийного диктата СРН во главе с А. И. Дубровиным. Негодование в среде монархистов вызвало циркулярное письмо Главного совета СРН за подписью А. И. Дубровина, например, собрание киевских монархистов 30 июня 1907 г. расценило документ проявлением признаков «психического недомогания» [15, с. 94], пришло к заключению, что практическим результатом образования Губернской управы в Киеве стало «не объединение, а разъединение» (образование Губернской управы Объединенного русского народа), Б. В. Никольский (РС) рекомендовал «распространить пошире постановление киевлян, наглое самоуправство союза должно быть прекращено». [5, с. 26–27].

Серьезным фактором нарастания конфронтации в правомонархическом движении стала попытка представителей церковной иерархии перехватить лидерство светских правых в объединительном процессе. Одним из наиболее активных проводников и идеологов политики объединения правых организаций под эгидой

священнослужителей стал протоирей И. Восторгов, политическая деятельность которого началась в период декабрьского вооруженного восстания в Москве в качестве реакции убежденного традиционалиста на вызовы революции. Участие священников в «политике», патриотических организациях, протоиерей считал делом их священнического служения, так как, «защищая государство и правительство в церкви, священник обязан делать это же самое и в жизни», поэтому самоидентифицировал себя как «священника, отряженного Церковью на служение политическим организациям». [7, с. 80–81].

В период работы IV съезда в Москве епископы Саратовский и Царицынский Гермоген (Г.Е. Долганов) и И. Кронштадтский выступили с инициативой объединения правых сил на базе православно-религиозно-нравственного архетипа в структуре менталитета традиционного социума. Протоиерей И. Восторгов в день открытия съезда 25 апреля в Успенском соборе, обращаясь к памяти и подвигу патриарха Гермогена, призвал «всех честных Русских людей» в борьбе с «революционным движением» к «объединению и слиянию» в единое «патриотическое движение» за «Веру Православную и Отечество Русское», к увеличению «числа и мощи ... патриотических союзов». [13, с. 309]. Епископы Гермоген (Г.Е. Долганов) и И. Кронштадтский политическому призыву И. Восторгова придали выраженное церковно-религиозное содержание, выдвинув на первой место в «освободительном» движении его антицерковную направленность. По мнению епископа Гермогена, в борьбе против «предателей и разрушителей отечества», усилия которых «направлены на православную веру, церковь и ее выдающихся представителей», необходимо «дать новое направление работе патриотических союзов», положив «в основу их религиозно-нравственные начала», на которых и преобразовать «действующие ныне» СРН и «другие патриотические организации». И. Кронштадтский в своем выступлении обращался к православному сознанию «многомиллионной ... русской семьи», для которой церковь — это «светоч», «маяк, это столп, на который опирается верующая Русь», считал необходимым противопоставить «врагам» «внутреннюю», духовную силу народа, что станет возможным, «когда в патриотический союз будут влиты религиозно-нравственные начала, столь любезные сердцу простого русского человека». [2].

После IV съезда епископ Гермоген (Г.Е. Долганов) выступил в печати с воззванием «Спасение России и русского народа в православных братствах через веру и церковь». [9, с. 116; 14, с. 112–113]. Основным смыслом воззвания сводился к стратегической задаче: опираясь на СРН, как самой близкой к церкви партии, но не способной прочно привить свои идеи «в среде народа» и практически осуществить их «в нужном для отечества

направлении», под руководством РПЦ «объединить все здоровые силы и поднять их на защиту отечества». Главный недостаток СРН усматривался в том, что под руководством светских людей, плохо разбирающихся в учении церкви, не соблюдающих каноны, союз «круто свернул в сторону политиканства», в результате «глубоко верующие люди стали покидать союз». Епископ предлагал на основе прихода объединить «патриотов-церковников с патриотами-союзниками» на общей и единственной основе — Церкви-матери, тогда СРН станет действовать «непосредственно из недр и духа самой церкви православной», то есть станет самим братством. В письме А.И. Дубровину предлагал компромиссный вариант — назвать СРН «Православным всероссийским братским Союзом русского народа», соответственно изменить устав СРН. Несмотря на категоричное возражение светских правых («хочет превратить союзников в монахов») и отказ А.И. Дубровина от компромисса, Гермоген 11 июня 1907 г. заявил о создании в Саратовской епархии «Православного всероссийского братства Союза русского народа» (ПВБ СРН). Братство было создано на базе существующих в епархии «Братства Святого Креста Господня» и отдела СРН [9, с. 114, 117–118; 22, с. 140], но юридически существовало параллельно отделу СРН, так как устав Братства был принят в нарушение устава союза. Отношения Братства и Саратовского губернского отдела СРН носили характер перманентного и пролонгированного затяжного конфликта, усиливая «децентрализацию и разобщенность монархического лагеря». [14, с. 106, 115–116].

В свою очередь, И. Восторгов со своими соратниками из московских монархистов после съезда развернул деятельность через РМП и реанимированный ВРС по сплочению общества на принципе православия во всероссийском масштабе, по существу спровоцировав конфликт как между ВРС и московским губотделом СРН, так и в самом ВРС, обострение отношений с А.И. Дубровиным в условиях разворачивающегося конфликта председателя Главного совета СРН с В.М. Пуришкевичем. Л. Катанский в монархической газете «Русский народ» приводил высказывание издателя «Вече» покойного В. Оловенникова «о духе разложения, вносимого Восторговым в настроения московских союзов». [25, б. л].

В конце декабря 1907 г. при поддержке (благословления) о. И. Кронштадтского, протоиерей обратился к Ю.П. Бартеневу (один из руководителей ВРС и СРЛ) с проектом образования всероссийской монархической организации принципиально иного характера в формате Всероссийского православного Братства СРН (ВПБ СРН), предполагающий объединение всего православного населения страны в структуре СРН в административных границах епархий. По проекту структура новой

всероссийской организации была аналогичной административному устройству РПЦ: в каждом приходе предполагалось образовать приходские Братства во главе с священником, которые объединялись в епархиальные во главе с архиереем, епархиальные — во Всероссийское Братство с центром в Москве под руководством Совета во главе с митрополитом, таким образом все православное население страны должно было объединиться «около святынь под водительством духовенства». Руководство СРЛ категорически отвергло проект, усмотрев стремление протоиерея заменить существующий СРН ВПБ-ом, совместить светскую власть с ее «суестью и греховностью» с духовной и таким образом поставить «православное духовенство ... на путь римской католической церкви». По справедливому мнению Ю.П. Бартенева, СРН «содружество политическое» и «в силу необходимости «политическая партия», значит и Братство будет иметь политический, к тому же во главе духовных лиц, церковный характер», следовательно, в отличие от СРН в идеологическом плане основанный на принципе «православие», то есть «церковности». «Такое вовлечение в политику духовенства и всей православной Руси представляется мне в высшей степени нежелательным и даже опасным», «вся приходско-епархиальная Русь заполитизируется» и это «будет вгоняться в самую глубину народного духа». «Нельзя православную Русь превращать в политическую партию», считал Ю.П. Бартнев, и по причине реальной угрозы захвата руководящего центра конституционалистами, так как есть примеры участия священников в кадетской партии, возможных противоречий Братства с правительством, если для последнего окажется неприемлемой политическая программа первого. К тому же не представляется возможным причислить всех православных «с их греховностью» к «братчикам», однозначно, считал Ю.П. Бартнев, Братство может быть учреждено «с исключительно духовно-просветительными целями», что в целом «соответствует и программе» председателя СРЛ кн. А.Г. Щербатова. [27, л. 11–12 об.; 26, л. 5]. В докладе «О предстоящей на 1907–1908 гг. деятельности Союза русских людей» председатель А.Г. Щербатов сформулировал свою позицию в вопросе «оснований» «русского народного самоуправления», которое должно иметь не церковный (но «возле церкви») характер, а по содержанию деятельности характер светской «приходской общественности». [27, л. 3].

Не получив поддержки в Совете СРЛ, И. Восторгов попытался восстановить ВРС на основании нового устава, принятого кулуарно московскими монархическими организациями, причем ни Совет СРЛ, ни самаринский «Кружок москвичей», ни «Общество патриотов» в пересмотре устава участия не принимали. [26, л. 5]. Выразив недоумение по поводу «нового» ВНС часть московских монархистов из СРН ушли в оппозицию, усмотрев в по-

литике И. Восторгова стремление переподчинить союз Всероссийскому Братству. Ю.П. Бартнев 11 апреля 1908 г. писал из Москвы в Петербург А.И. Дубровину, что «большинство председателей и на «черепеховые очки» весьма недовольны, а на поведение Всенародного прямо негодуют» и «не желают нести ига Всенародного, т.е. поповского». В попытках помочь московской оппозиции в противодействии протоиерею Ю.П. Бартневу, опираясь на А.Г. Щербатова и Сукачева, убеждал А.И. Дубровина приехать в Москву и показать, что он стоит во главе московского СРН («сковать железо пока горячо»). [26, л. 5, 10–11].

Однако в печати (газета «Свет») стала распространяться информация об образовании новой «патриотической группы» под «знаменем православной церкви» или «Православного Союза», задача которого состоит в объединении всех существующих правых партий, причем к такого рода явлению в правомонархическом движении очень сочувственно относится император. Во главе движения назывались епископы Саратовский и Царицынский Гермоген (Г.Е. Долганов), Серафим Орловский (Л.М. Чичагов) и протоиерей И. Восторгов. [2].

Теоретический подход к вопросу объединения патриотических сил в единый союз был обусловлен органическим мировоззрением церковных иерархов, вытекающим из онтологического предположения о существовании сверхорганического начала, божественного сотворения всего сущего, теоцентристским характером консервативного мировоззрения. [18, с. 266]. На микроуровне (применительно к традиционному обществу) в публичных выступлениях И. Восторгова идеология представляла собой отрефлексированный традиционализм («традиционализм — способ познания и оценки действительности, характерной для аграрной цивилизации, воспроизводство которой ограничено рамками традиций», метод, актуализирующий любой опыт, в том числе и социальный) [1, с. 24] или дискурсивный консерватизм — представление о жизненном, трансцендентно устроенном миропорядке и в соответствии с ценностями, имманентно присутствующими на уровне бессознательного в системе менталитета традиционного социума, актуализированную систему принципов, содержательно определяющих конструкцию конкретной практической схемы (модели). Функционально идеология была ориентирована на когнитивные ориентации, мобилизацию и консолидацию коллективных групп (в типологии протоиерея — «консервативные элементы Русского общества»), отстаивающих сохранение структур, связей и институтов традиционного общества в условиях модернизационного перехода с ориентацией на исторический опыт и систему соответствующих отрефлексированных ментальных представлений в системе традиционного сознания.

На уровне дискурсивной практики (предлагаемая практическая модель-схема с помощью знаковой системы — речи, языка) концепция имела определенный «стержень» («инвариантное ядро»), представленный «рационализированными ценностями традиционного общества», актуализированными в условиях «разрушительной» практики «космополитов» и «инородцев», потенциально представляющей угрозу для «жизненных интересов Русского народа, русского государства и Русской культуры». В целом весь комплекс представлений основывался на актуализации православия (религиозной веры) и исторического опыта страны, связанного прежде всего с борьбой русского народа за сохранение своей национальной идентичности и государственности. [11, с. 57, 62]

В этническом и историческом плане ментальные черты («образ») русского народа определялись в парадигме триединства принципов уваровской формулы: «верность Церкви, родному Народу, Царю Самодержавному», из которых основополагающими, проверенные опытом истории, определяющими «основной характер русской жизни» постулировались «церковность и народность», на уровне бессознательного (народных инстинктов) — «инстинкты веры, патриотизма и самосохранения». [13, с. 307]. В социокультурном плане обобщенно образ русского, православного народа был представлен социальными структурами, осознающими «разумом и сердцем» (нравственно) свой гражданский долг и, следовательно, способными отзываться «на национально-государственные задачи», отстаивать свои жизненные интересы, государства и культуры, то есть это прежде всего проверенный опытом истории образ гражданина и патриота. Отстаивая свои национальные ценности, в то же время как часть мировой истории, он следует опыту «мировой жизни», понимает объективные требования своего времени и противостоит политическим «староверам», «поклонникам застоя» и «деспотического государства» или «бюрократии». В общемировом цивилизационном пространстве занимает особое место в силу своего православного мировоззрения («национального чувства», как носитель мистической веры, оправданной опытом мировой истории), осознает свою роль в мировой истории и свое призвание в будущем миропорядке [11, с. 57, 62] (в литературе образ представлен метафорой «народ-богоносец»). Отсюда обосновывалась несовместимость рациональных ценностей западноевропейской цивилизации с иррациональным национальным сознанием народа, объективная предопределенность невозможности перестройки всей системы социальных и политических отношений в парадигме либеральной мировоззренческой доктрины и практики (на европейских «началах жизни»), проверенная опытом потенциальная угроза «конечной гибели России» в случае попыток такой перестройки, прежде всего отделение церкви

от государства, установление государственного порядка, обратившего «русского царя в полуцаря». [13, с. 307, 309]. Православно-религиозное сознание обуславливало установку на борьбу всех патриотических сил («никто не смеет уклоняться от борьбы») с внутренними врагами, которая началась «еще между бесплотными злыми и добрыми духами или ангелам» именем Бога («каждый обязан выбрать свет или тьму»). [7, с. 83].

Вся модель (схема) прошлого, настоящего и будущего России и народа в органической концепции И. Восторгова выстраивалась на фундаментальной основе православной религии.

Центром противостояния национально-патриотических и «разрушительных» сил в период революции в концепции И. Восторгова была модель властоцентричной российской политической системы — представление об объективно установленном характере национального государства, религиозный фундамент которого стремятся разрушить космополитические, по сути атеистические силы, цели и задачи которых артикулированы в требовании отделения церкви от государства. [11, с. 57]. В систему властоцентричной модели встраивалось и субъективное (религиозное) восприятие русским народом самой власти (народ не рассматривался в качестве пассивного объекта манипуляции власти, он выступал субъектом государства и власти), заложенное в системе менталитета представление, которое включало характерные черты самого народа и государственной системы — приверженность самодержавию, сильной центральной власти, авторитету, так как народ (в его духовной сущности) и религия возникают раньше государства и закона, вера народная определяет характер самого народа, государства и тип властвования («в православии мы отыскиваем и оправдываем само государство», «осмысливаем и оправдываем самодержавие и саму народность»). [11, с. 59, 63]. Как отмечает А. С. Карцов, «не обязательно, чтобы именно нация была самой верховной властью, но на сам тип верховной власти, содержание идеала, определяемое преобладающим в нации умонастроением, оказывает очевидное влияние». [3, с. 228]. Вера сформировала характер русского народа, русское национальное самосознание, определила «нравственный смысл и оправдание русского государства и государственности», в период смуты («ослабления всех духовных начал, основ нашей жизни») возбудила, освятила русский патриотизм, дала ему силу подвига [13, с. 307, 308] и таким образом обеспечила преемственность исторического развития страны.

Идейно-религиозное обоснование властоцентричной системы в православии связано с обрядом венчания на царство, посредством которого обуславливается неразрывная связь («духовный союз») народа и власти,

и всей системы совместно созданного общественного и государственного строя. В результате в отрerefлексированном традиционализме согласие (договор) осуществляется «по поводу комплекса представлений: православный царь, православное царство, православный народ», то есть «самоидентификация народа была в то же время самоидентификацией и власти, и государства», православное царство и православный царь получали сакральный характер и не подлежали изменению. [1, с. 39, 40]. Государство мыслилось как сама церковь во главе с православным царем, ответственными за каждого верующего человека, для которого религия («истина») прежде всего путь личного спасения, так как царство земное есть только путь к царству божию. Поэтому государство, царь своим подвигом служения обеспечивают условия сохранения и развитие религиозных чувств народа, чистоту православной веры (истины), и таким образом заботятся о благоустройении христианской жизни, отвечают за душу и личное спасение каждого («лично для себя видим в истине путь спасения и единственный путь благоустройства и спасения народа и его земного царства») (принцип — вне православного царства нет спасения). [11, с. 58, 62]. В системе общественных отношений актуализировалось нравственно-этическое содержание православной религии, нормы морали (только религия может дать человеку понимание добра и зла, только она дает побуждение к добру и подвигу), которые исторически формировали «голос народа» (выраженное содержание внутреннего «человеческого духа»), соответственно «скрепляя и объединяя народы в единстве исповедания, обряда, устройства жизни», то есть в Церкви (принцип соборности), обеспечили функционирование общества на основе единых и общих для всех нравственных норм. [11, с. 60, 61]. В контексте религиозно-нравственного представления народа о верховной власти (царь воспринимался надличностной и надсоциальной силой, стоящей на границе мира божия и мира антихриста, добра и зла и отвечающий только пред богом) в системе исторически сформированных политических основ русской государственности решающее значение отводилось самодержавию, единственно приемлемой формы правления, способной обеспечить политическое единство («синтез») народов в многонациональном и поликонфессиональном государстве, стабильность общественной и политической системы в целом. [11, с. 57].

Вся мировоззренческая концепция И. Восторгова была подчинена задаче пропаганды значения патриотических союзов, которые в основу своего движения кладут религию, обращаясь к прошлому (опыту), выход из переживаемой революции («смуты») видят «в истине спасительной и исключительной духовно-культурной силе религии». [11, с. 62]. Исходное утверждение, что православие — это религия народа, народная вера (объективно результат животворящего духа) служило

обоснованием неразрывной связанности правых организаций с народом общностью задач, следовательно, выражающих его заветные чувства и стремления. Поэтому в борьбе с революцией он призывал к «расширению числа и внутренней мощи наших патриотических мирных союзов», как в прошлые дни смуты, следуя призыву патриарха Гермогена, «под знаменем креста «объединиться, сплотиться крепким союзом любви в служении и защите Веры, Церкви и Русской Народности». [13, с. 310]. И. Восторгов понимал консолидирующую роль веры в обществе традиционалистского типа (только «язык религиозно-нравственных убеждений и упований есть общий и понятен всем на Руси» [11, с. 62]), поэтому, призывая «всех честных Русских людей без различия званий и состояний» сплотиться «в одном патриотическом движении» [13, с. 309], протоиерей и его соратники преследовали задачу преодолеть противоречия и нарастающую конфронтационность в объединительном процессе правых сил. Обращение к православной вере, национальному сознанию, традиции для И. Восторгова открывало и перспективу будущего страны. Присущий религиозному сознанию органицизм обуславливал представление о развитии общества как органической целостности, что предполагало признание реформаторства как естественный и закономерный процесс в эволюционной парадигме с опорой на укорененные, проверенные опытом ценности, идеи, представления, институты. Патриотические союзы, по убеждению И. Восторгова, пробудив религиозное и национальное чувство, сплотив народ в соответствие с характером его жизни церковности и народности, обеспечат эволюционное развитие страны на принципе: «почитая прошлое и на нем возводя будущее» (принцип эволюционизма и исторической преемственности), в целом исполнение исторического призвания России «в будущих построениях мировой жизни» [11, с. 62] (принцип мессианского предназначения русского народа-богоносца).

В целом попытки иерархов-консерваторов возглавить объединительный процесс правомонархических сил не принесли результатов. Епископа Гермогена не поддержало большинство приходских священников Саратовской епархии [14, с. 108], более того, практическая деятельность епископа Гермогена и протоиерея И. Восторгова встретила сопротивление как со стороны светских правых, так и приходского духовенства в масштабе страны. Тем не менее в Сибири и на Дальнем Востоке протоиерей убеждал союзников-патриотов в том, что политические организации, «наши союзы русского народа» в Москве — это «православно — церковные братства» [7, с. 80], СРН — это «чисто религиозное движение», к которому он сам «всецело примыкает». [17].

При наличии общей идейной основы (базовых принципов) правых организаций причина стратегического

и тактического провала церкви заключалась в социокультурном расколе российского общества, незавершенности формирования единой, универсально-интегративной «консервативной философии» в ее «чистом» виде». [12, с. 151]. Русский консерватизм не завершил свое развитие в целостную философскую систему, предлагающую оптимальную модель развития страны на путях консолидации расколотого в социокультурном измерении российского общества в условиях модернизационного перехода (русский консерватизм «никогда не представлял собой единого монолита»). [23, с. 39–42] (хотя, по мнению М. Ю. Чернавского, в последней трети XIX — начале XX в. русский консерватизм «оформился в стройную, системно завершенную концепцию». [21]). Формирующийся русский консерватизм был представлен теоретическими построениями идеологов-интеллектуалов (Л. А. Тихомиров, К. Н. Леонтьев, С. Ф. Шарапов, Н. Я. Данилевский), оставался интеллектуальным направлением общественной мысли, слабо укорененном в национальной почве, находился под влиянием и испытывал зависимость от традиционализма [24]. Концепция церковных идеологов в концепции И. Восторгова в большей степени представляла собой традиционализм — набор универсальных ценностных мировоззренческих компонентов, актуализированную религиозно-нравственную общественно-политическую доктрину в славянофильском изводе с выраженной чертой охранительства. Как государственный институт в системе идеократической монархии, церковь выполняла роль «духовной скрепы» общества, являлась проводником официальной идеологии и политики, консолидации паствы вокруг трона и РПЦ, в деятельности руководствовалась религиозно-нравственным содержанием евангелистского и святоотеческого учения о царской власти, взаимоотношении церкви и государства, личности, общества и государства. В социокультурном измерении первая революция выявила устойчивость базовых ценностных структур в менталитете («картина мира») традиционного социума, обеспечивающих в условиях «лимита времени» «запас прочности» политического режима, в целом «цивилизационную устойчивость страны». Основные мировоззренческие структуры долговременно пролонгированного традиционализма, актуализированные структуры традиционного архетипа (прежде всего «низов») на политическом уровне проявились в правомонархическом движении, организационно оформившемся главным образом в СРН, самой массовой и всесловной правой партии. В условиях начала организационного «разброда и шатания» светских правых на этапе «контрреволюционного подъема» церковь попыталась объединить общество, разделяющее традиционные ценности, на доктрине «православия» в структуре СРН, в борьбе с «освободительным» движением, «врагами» церкви и государства за историческую самоидентичность России и национальное

самосознание русского народа обращалась «к устойчивым архетипам массового сознания», «универсальным ценностям», «в первую очередь к православной идее, глубоко укорененной в менталитете русского народа». [4, с. 17–18]. Тактический смысл проекта консолидации правых сил в форме нового объединения заключался в попытках преодолеть развитие противоречий и раскола в правомонархическом движении на почве политической борьбы [22, с. 140], провозгласив приоритет «вечных» и «неизменных» истин по отношению, в том числе и конъюнктурных и амбициозных целей лидеров светских правых.

Таким образом, практическая деятельность представителей консервативного духовенства в объединительном процессе правых сил не была направлена на подчинение «всенародного» СРН церкви, политически активные священники попытались, опираясь на СРН, использовать потенциал традиционного социума и преодолеть внутреннюю, изначально присущую правомонархическому движению, конфронтационность. Идеологом политики объединения на базовом принципе «православия» выступил протоиерей И. Восторгов, в публичных выступлениях которого мировоззренческая концепция образования СРН в новом формате получила завершенное оформление. Применительно к традиционному обществу идеология представляла собой отрефлексированный или дискурсивный консерватизм, функционально была ориентированная на «консервативные элементы Русского общества» и систему соответствующих отрефлексированных ментальных представлений в системе традиционного сознания. На уровне дискурсивной практики концепция имела определенный «стержень» («инвариантное ядро»), представленный «рационализированными ценностями традиционного общества» (православная религия, ее функциональный, нравственно-этический и моральный потенциал, исторический опыт страны, на уровне бессознательного, заложенные в менталитете народа «инстинкты веры, патриотизма и самосохранения», соборность, приверженность самодержавию, сильной центральной власти, государству, авторитету). Православно-религиозное сознание обуславливало установку на консолидацию и борьбу всех патриотических сил с внутренними врагами. Функционально идеология оказалась бесперспективной в силу глубокого социокультурного раскола общества, отрицательного отношения светских правых к проекту И. Восторгова, неоднозначного отношения к политической деятельности в составе СРН в среде самого духовенства. Практическая деятельность духовных правых на путях объединения разрозненных сил правых становилась дополнительным фактором не консолидации, а усиления внутренней конфронтационности правомонархического движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязовик Т.П., Солонин Ю. Н. Либерально-консервативный синтез (политико-философские аспекты) // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. научных статей. Вып. 2 / Под ред. Н. В. Поляковой. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2005, с. 8–57.*
2. Дальний Восток. 1908. 10 января.
3. Карцов А. С. Консервативная мысль: к вопросу о правовом нигилизме // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков до современности): Сб. научных статей. Вып. 2 / Под ред. Н. В. Поляковой. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2005, с. 224–259.*
4. Омельяничук И. В. Православная церковь и самодержавное государство в идеологии черносотенных партий России начала XX века // *Российский исторический журнал, 2006, № 3, с. 12–19.*
5. Омельяничук И. В. Попытки консолидации монархического движения в 1906–1907 гг. // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2011, № 3, с. 25–30.*
6. Омельяничук И. В. Русский консерватизм начала XX века в поисках партийного самоопределения // *Тетради по консерватизму, 2015, № 4, с. 147–158.*
7. Открытие Благовещенского отдела союза Архангела Михаила // *Благовещенские епархиальные ведомости, 1909, № 12–13, 30 июня — 15 июля, с. 79–94.*
8. Пламенный проповедник и патриот. Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов (1864–1918) // *Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012, гл. 7, с. 245–272.*
9. Платонов Г. М. Православная церковь в общественно-политической жизни провинциальной России 1900–1914 гг. (На материале Саратовской губернии). Диссертация ... кандидата исторических наук. Саратов, 2003.
10. Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века: Документальное наследие. В 2-х т. М.: РОССПЭН, 1998; Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. / Составитель, автор предисловия и комментариев Ю. И. Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998. 718 с.
11. Политические союзы и их отношение к религии. Речь, произнесенная на патриотическом вечере в Москве 8 января 1907 г. протоиереем И. Восторговым // *Благовещенские епархиальные ведомости, 1907, № 4, 28 февраля, с. 57–63.*
12. Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.
13. Речь протоиерея И. Восторгова при открытии IV всероссийского съезда русских людей в Москве, 26 апр. 1907 г. в Успенском соборе // *Благовещенские епархиальные ведомости, 1907, № 15, 15 августа, с. 305–310.*
14. Савицкая О. Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг. По материалам Саратовской губернии. Диссертация ... кандидата исторических наук. Волгоград, 2001.
15. Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. М.: Изд-во ВЗПИ, А / О «Росвузнаука», 1992. 330 с.
16. Струков А. В. Общественная деятельность протоиерея Иоанна Восторгова: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. М., 2010.
17. Сусанин, 1908, 1 мая.
18. Тимошина Е. В. Консервативная философия права: основные методологические ориентации // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. научных статей. Вып. 2 / Под ред. Н. В. Поляковой. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2005, с. 260–275.*
19. Толочко А. П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001, гл. IV, с. 70–89.
20. Циркулярное письмо Главного совета СРН. Отделам Союза Русского народа и прочим патриотическим организациям // *Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века: Документальное наследие. В 2-х т. М.: РОССПЭН, 1998; Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. / Составитель, автор предисловия и комментариев Ю. И. Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998, с. 337–338.*
21. Чернавский М. Ю. Традиционный и модернистский консерватизм XIX и XX веков // <http://conservatism.narod.ru> (дата обращения 23 января 2012).
22. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 гг. / Отв. редактор О. А. Платонов. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
23. Шелохаев В. В. Социально-философские корни консерватизма // *Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск 2. М., 2000, с. 39–42.*
24. Шелохаев В. В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // <http://conservatism.narod.ru> (дата обращения 23 января 2012).
25. Приложение к отношению губернатора Иркутского в главное управление по делам печати 20 марта 1908 г. по поводу публикации в газете «Сибирская заря» ст. «Черные вороны». Свящ-к И. Восторгов // *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776, оп. 21, ч. II, д. 72, 1908.*
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116, оп. 1, д. 32.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116, оп. 2, д. 39.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284, оп. 187, д. 157.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284, оп. 187, д. 174.

© Корнеева Галина Андреевна (galyna.kor@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»